

Igor V. Pustovoit,
Hofstra University, New York, USA
Пустовойт Игорь Владимирович,
Университет Хофстра, Нью Йорк, США

For citation: Pustovoit Igor V. (2024).
Decolonizing Linguistic and Cultural Studies.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 9, Issue 1 (2024), pp. 41-50 (in USA)

Manuscript received 18/02/2024
Accepted for publication: 25/03/2024
The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

DECOLONIZING LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

Abstract: The article discusses main aspects of the process of decolonization in respect to post-Soviet studies amid the ongoing war in Ukraine, and the shift of focus from traditional Russian language instruction in American colleges to linguistic and cultural studies in a broad sense.

Keywords: decolonization, subaltern, cultural and linguistic imperialism, Russian as a Foreign Language instruction, cultural and linguistic studies

Аннотация: Статья рассматривает теоретические основы процесса деколонизации применительно к постсоветскому пространству и смещение акцентов преподавания РКИ в американских колледжах на фоне продолжающейся войны в Украине с с традиционных языковых классов на лингвострановедение в широком смысле.

Ключевые слова: деколонизация, постсоветское пространство, субалтерн, культурный и лингвистический империализм, преподавание РКИ, лингвострановедение

Введение: постановка проблемы

По окончании Второй мировой войны, когда была сформирована Организация Объединенных Наций, на территориях, находящихся в колониальной зависимости, проживало около 750 миллионов человек. В настоящее время население оставшихся 17 самоуправляющихся территорий составляет менее двух миллионов человек. Ключевым моментом стало принятие в 1960 году Декларации о предоставлении

независимости колониальным странам и народам [1]. Именно в это время начался активный приезд на учебу в СССР иностранных студентов, большинство из которых полагались на материальную поддержку советского правительства, за которую приходилось присягать на верность коммунистической идеологии. Наплыв иностранцев в советские вузы создавал иллюзию открытости общества и приверженности идеям свободы и равенства. Однако не следует забывать, что в СССР приветствовали представителей стран, освободившихся от колониальной зависимости, и в то же время отправляли в тюрьмы тех, кто требовал независимости для союзных республик, входивших в состав СССР. У большинства обывателей это не вызывало когнитивного диссонанса.

В западных академических кругах деколонизация изначально воспринималась преимущественно как процесс освобождения стран «третьего мира». основополагающая статья Гаятри Спивак «Могут ли угнетенные говорить?» развивает понятие *субалтерн*, введенное в лексикон итальянским философом-марксистом Антонио Грамши, в данном случае применительно к тому, как «белые мужчины защищают смуглых женщин» [2]. При этом следует помнить, что широкая дискуссия, которую вызвала статья, проходила именно на страницах академической прессы тех самых белых людей западного мира. Те, кто стремится «защитить свою борьбу» от посягательств белых людей забывают, что деколонизация не ограничивается одним регионом или страной. Она включает в себя укрепление глобальной солидарности для преодоления более широких последствий колониализма и империализма в мировом масштабе. Как отмечает Айрис Янг, угнетение не является понятием, которое должно быть зарезервировано для тоталитарных/авторитарных сообществ, а скорее должно использоваться во всех случаях, когда какая-либо группа общества страдает от «некоторого подавления своей способности развивать и использовать свои способности и выражать свои потребности, мысли и чувства» [3]. Янг признает, что не существует какого-то единого набора критериев, которые могли бы описать угнетение всех меньшинств. Угнетение является кластерным концептом, обозначающим семейство понятий и условий, которые можно разделить на пять категорий: эксплуатация, маргинализация, бессилие, культурный империализм и насилие. Эти категории не являются взаимоисключающими, и на самом деле вполне возможно, что ограниченная в правах группа столкнется с более чем одним из этих видов угнетения.

Культурный империализм означает "универсализацию опыта и культуры господствующей группы и ее утверждение в качестве нормы" [3: 59]. Учитывая, что доминирующей группой в обществе часто является тот, кто контролирует культурный аппарат, наиболее широко распространенные культурные продукты выражают особый опыт и ценности именно этой доминантной группы.

Деколонизация на постсоветском пространстве

Попытки применить инструменты постколониального анализа к постсоветскому пространству зачастую наталкиваются на непонимание или даже откровенное отторжение. И это при том, что значительная часть постсоветского пространства пережила колонизацию в самом традиционном понимании. Как отмечает Владислав Иноземцев, даже хронологически захват новых евразийских территорий совпадает с испанскими завоеваниями в центральной и южной Америке. Таким образом Российская империя начала копировать опыт европейских сверхдержав задолго до петровских реформ [4]. А представители культур, даже более древних, чем культура самой метрополии, столкнулись с набором институциональных ограничений на саморазвитие и самоопределение. Как отмечает Александр Эткинд в своей книге «Внутренняя колонизация» [5], помимо экономического аспекта эксплуатации ресурсов периферии, не менее важным представляется идейно-ментальный аспект, антагонизм метрополии и «окраин», нуждающихся в окультуривании и цивилизаторском преобразовании.

«Национализация аграрной культуры, многократно разделенной на классы, провинции, общины, диалекты, сословия, секты, всегда есть самоколонизация: народ превращается в нацию, крестьяне во французов. Процесс идет из столиц к границам, останавливаясь лишь там, где он сталкивается со встречным процессом равной силы» [6].

Еще в 1965 году Иван Дзюба в своей книге «Интернационализм или русификация?» поставил ряд неудобных для советского правительства вопросов, за что и поплатился карьерой и свободой [7]. Несмотря на то, что автор избрал марксистский подход к рассмотрению национально-культурной политики СССР, что в целом можно считать одной из наиболее уязвимых черт всего движения шестидесятников, не подвергавших сомнению идеологические основы, автора заклеили как буржуазного националиста. Книга циркулировала лишь в самиздате, и вышла на украинском и английском в Лондоне, а впоследствии была переведена на ряд других языков. Лишь накануне обретения Украиной независимости автор смог вернуться к полноценной деятельности и участвовать в духовном возрождении страны.

Так или иначе, все население бывшего СССР столкнулось с уникальным набором вызовов, связанных с распадом мощного политического и идеологического образования. Постсоветским государствам пришлось пройти сложный процесс перехода от централизованной плановой экономики к рыночно-ориентированным системам и от авторитарного правления к различным степеням демократического управления. Этот переход породил экономические, политические и социальные проблемы, которые занимают центральное место в нарративе о деколонизации.

Что делает процесс деколонизации особенно широким, это борьба за социальную справедливость и равенство путем устранения системного неравенства, которое сохраняется со времен колониальной эпохи. Это включает в себя борьбу с дискриминационной практикой и политикой, а также поощрение инклюзивности и равных возможностей. Именно это объединяет деколонизацию в узком смысле с глобальным стремлением построить более совершенный мир.

Деколонизация предполагает свежий критический взгляд на ставшие привычными вещи. За таким повседневным восприятием может скрываться целая система иерархий, установленных метрополией в своих целях. В качестве наглядной иллюстрации можно рассмотреть состоявшуюся в мае 1988 года Лиссабонскую конференцию по литературе, организованную Уитлендским фондом (Нью-Йорк) и проходившую под покровительством президента Португалии Мариу Соариша [8]. Помимо всемирно известных писателей, таких как Салман Рушди и Сюзан Зонтаг, а также нобелевского лауреата Дерека Уолкотта, были представлены, с одной стороны, ряд известных писателей из центральной Европы, а с другой – русские писатели. «Русская» делегация была фактически объединена лишь общим языком, и по сути своей была весьма разнородной. Часть из этих писателей были представителями метрополии (Л. Аннинский, Т. Толстая), другие представляли советские республики (А. Ким, Г. Матевосян), а третьи – русскую литературу зарубежья (И. Бродский, С. Довлатов, З. Зиник). Тем не менее, главным итогом конференции стало продемонстрированное доминирование имперского мировоззрения, невзирая на место проживания того или иного писателя. Довлатов признался, что духовно ближе к тем, кто остался в СССР, чем к своим братьям по эмиграции, а Бродский подверг сомнению валидность понятия «центральноевропейская литература», поскольку она не была представлена единым языком. К месту вспомнить и Александра Солженицина, который, несмотря на восемнадцать лет жизни в США, всегда оставался критичным по отношению к «коллективному западу», выступая с великорусской имперской позиции. Таким образом, борьба индивидуума за личную свободу и свободу творчества не обязательно позволяет разглядеть имперский нарратив и понять, что солдат-освободитель может восприниматься местными всего лишь как новый оккупант, а попытки нести цивилизацию не должны быть основаны на принуждении и насилии.

Русский язык как инструмент империализма

Центральным инструментом империализма при этом выступает язык метрополии, и постсоветское пространство полностью подтверждает этот тезис. Понятие «языковой империализм» стало широко известно после публикации одноименной книги британского лингвиста Роберта Филлипсона [9]. Языковая дискриминация выражается прежде всего в форме предвзятого отношения к индивидууму по признаку его языковой принадлежности и навыков владения языком. Любые проявления региональных диалектов, акцентов, непривычный словарный запас ведут к уничижительному отношению со стороны тех, кто сумел освоить диалект метрополии. Идеологическое внушение, что этот диалект более престижен, помноженное на структурный компонент предпочтения доминирующего языка в образовании, науке, медицине и армии, неизбежно ведет к ущемлению прав других языков.

Роль русского языка в колонизации территорий многогранна и складывалась на протяжении веков в рамках имперской экспансии России. Продвижение русского языка в качестве языка управления было направлено на создание единообразия в различных регионах, облегчая имперским властям осуществление контроля и реализацию политики культурной ассимиляции, сопутствующей установлению централизованной власти. Интеграция колонизированных территорий в более широкую имперскую систему, создание иллюзии равноправной принадлежности к российскому государству имеет долгую историю, от печально известного валуевского циркуляра 1863 года в Украине, до полного перехода на русский язык преподавания в Бурятии в 1971, якобы «идя навстречу пожеланиям родительской общественности».

Как и в случае с нарративом деколонизации в целом, опыт Индии послужил толчком для целого направления исследований, посвященных роли имперского английского языка. Бадж Качру предложил свою теорию концентрических кругов, позволяющую описать степень проникновения и влияния английского на различные языковые системы мира [10]. Так, в самой Индии хинди стал объединяющим языком для не только для этой многонациональной страны, но и для всей Южной Азии, однако колониальный английский по-прежнему широко используется в регионе.

Попытки форсированного перехода на автохтонный язык могут привести к трагичным результатам. Так, 16 июня 1976 года ученики южноафриканских школ в Соуэто вышли на улицу в знак протеста против требования перевести преподавание с английского на африкаанс, язык, которого не знали ни учителя, ни ученики. Полицейские открыли огонь. Это неизбежно вызывает аналогии с «ущемлением прав русскоязычного населения», что стало излюбленным тезисом пропаганды метрополии, неуклонно теряющей свое влияние. Разница же состоит в том, что англичанам, которые извлекли уроки из собственного колониального прошлого, не придет в голову вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, по крайней мере по поводу того, как последнее решает свои внутренние проблемы, включая языковую политику.

Национальный язык становится ключевым компонентом политической и культурной консолидации и формирования национальной идентичности вне зависимости от состояния дел на момент обретения независимости. Решение о принятии официального языка в стране часто зависит от множества исторических, культурных, политических и социальных факторов, таких как культурная и гражданская идентичность, конкретная стадия государственного строительства, степень стандартизации официальных документов, законов и административных процедур, а также эффективность управления и правовая ясность.

С другой стороны, существует опыт США, где сам термин "правовое регулирование" по отношению к языковым правам имеет парадоксальный оттенок: официальной языковой политики как таковой не существует, и статус официального государственного языка за английским не закреплен [11]. Суды и иные государственные

инстанции обязаны предоставить переводчика и обеспечить перевод всех документов на требуемый язык не только для граждан США, но даже для нелегальных иммигрантов. Нет необходимости говорить о том, сколько проблем создает такая политика для государственных учреждений. Однако кажущаяся индифферентность американских властей к вопросам языковой политики объясняется ходом истории и природой американского общества. Эта «страна эмигрантов» сама говорит на языке бывших колонизаторов, и никому в США не придет в голову называть британским шпионом тех, кто говорит по-английски.

С другой стороны, существуют страны, где исторически сложилось в высшей степени однородное общество. Польша и Украина имеют долгую и непростую историю взаимоотношений, но польский опыт борьбы за независимость и европейскую интеграцию всегда служил примером для украинцев. Однако, надо принимать во внимание, что более 96% населения являются этническими поляками, и 95% - католиками. Украина не может похвастаться таким однородностью, поэтому опыт соседей также следует принимать с оговорками.

Конечно, ни одна страна не хочет оказаться в роли Ирландии, где на автохтонном гэльском говорит лишь треть населения. В короткометражном фильме «Меня зовут Ю Минг» режиссер Даниель О'Хара рассказывает историю китайского эмигранта, который учит гэльский, чтобы поселиться в Ирландии, но по приезде выясняет, что там все говорят по-английски. В поисках работы он заходит в паб, где встречает пожилого ирландца, с которым ему наконец удается поговорить по-ирландски, пока два бармена недоумевают, откуда местный старик может знать китайский [12].

Языковой вопрос всегда занимал центральное место в сложных отношениях Украины с бывшей метрополией, и односторонние претензии последней на защиту прав русскоязычного населения в соседней стране игнорировали права украиноязычных жителей самой федерации. Особенно это заметно в южных регионах европейской части страны, где старательно избегают употреблять само слово украинский, и предпочитают обтекаемо называть это местным диалектом. Конечно, было бы неверно сводить все к языковой политике, поскольку именно многогранная борьба Украины за устранение наследия колониализма привела к полномасштабной войне России против этой суверенной страны. События в Украине продемонстрировали в концентрированном виде имперские амбиции наследников СССР, а потому опыт Украины позволит многим постсоветским странам ответить на неразрешенные вопросы самоидентификации. Термин «деколонизация» до сих пор редко применяется непосредственно к отношениям между Россией и Украиной, однако и историческая, и современная динамика отношений между Россией и Украиной всегда была сложной и включала в себя элементы, которые можно анализировать с точки зрения власти, влияния и автономии. Каждая из бывших советских республик имеет свою историю отношений с метрополией, но любые попытки подвергнуть сомнению международно признанные границы, ссылаясь на волюнтаристские решения Ленина или Сталина, означают не что иное, как попытки оправдания колониального захвата территорий, когда отрицается не только политическая независимость нации, уже неоднократно продемонстрированная украинцами за десятилетия с момента распада СССР, но даже само право народа на свою землю и ресурсы.

Деколониальный поворот

В данной ситуации вряд ли можно рассчитывать на признание исторической несправедливости со стороны империалистического агрессора. Если репарации в том или ином виде могут материализоваться при помощи международных организаций, то принесение искренних извинений находится в сфере морального выбора каждого индивидуума, и пока остается уделом катастрофически малой части населения метрополии, особенно учитывая традиционный подход «быть как все». На Западе уже

давно обсуждается вопрос «вины белого человека» и нежелание последнего признать свою роль в сложившейся ситуации расового дисбаланса [13].

Напрашиваются прямые аналогии, во-первых, с агрессивным непризнанием жителей российской метрополии своей роли в угнетении национальных «окраин», а во-вторых, различия в восприятии различных национальных групп, основанные на визуальном сходстве с неким имперским стандартом.

В США цветное население, как правило, куда чаще задумывается о расизме на личном уровне, хотя тезис о «белом большинстве» уже стал достоянием прошлого. Не имея надежного фреймворка для объяснения общественных процессов, субалтерны начинают объяснять все несправедливости жизни своим цветом кожи. При этом, как показывает американский опыт, если в черных семьях детей готовят войти в мир, полный расовой несправедливости, то азиаты признают, что подобные вопросы почти никогда не обсуждались в семейной обстановке. В целом опыт выходцев из Азии может служить достойным примером для подражания, поскольку вместо того, чтобы культивировать боль, и бесконечно обсуждать концлагеря для японских американцев во время Второй Мировой войны или квоты на поступление азиатов в университеты Лиги Плюща в наши дни, выходцы из Азии тихо и методично продолжают встраиваться в американское общество.

Не менее сложно обстоит дело с преодолением встроенных культурных, социальных и психологических последствий колониализма. Трансформация образования, которая включает в себя изменение и адаптацию учебных программ, чтобы они были более инклюзивными и отражали различные точки зрения, продолжает сталкиваться с трудностями и нередко заиклена на языке преподавания. Сегодня история Украины представляется прежде всего с точки зрения титульной нации, которая боролась за свою независимость с Московией, Польшей, Австро-Венгрией, и рядом других стран, в противовес имперскому нарративу о воссоединении братских народов. Однако, рано или поздно возникнет необходимость взглянуть на события минувших столетий с точки зрения тюркских народов, занимавших почти половину территории Украины, чья история может соперничать с историей Киевской Руси. Культурное восстановление относится не только к титульной нации, но и ко всем народам, населяющим страну. В условиях войны сплоченность населения перед лицом экзистенциальной угрозы заставляет людей смотреть на мир проще: кто с нами, а кто против нас. Но в условиях мирного поствоенного развития многим украинским гражданам неизбежно придется вернуться к дополнительным составляющим своей самоидентификации: татары, евреи, румыны, цыгане, венгры, поляки, болгары, а также восточнославянские соседи должны иметь право сохранять свою культуру, язык и традиции. Только таким образом Украина сможет с полным правом стать членом европейского сообщества, пока Россия, как «страна с непредсказуемым прошлым», воюет не только за свое название, услужливо предложенное Петру I украинским богословом Феофаном Прокоповичем, но и за все наследие Киевской Руси, потому что без него она окажется именно тем, чем является на самом деле: не частью европейской цивилизации, а продолжателем дела монгольской орды, для которого захват земель и безжалостная их эксплуатация являются единственным мыслимым *modus operandi*. Кстати, сам президент Монголии не удержался от ироничного комментария по поводу «исторических земель», чтобы продемонстрировать всю несостоятельность претензий более молодой империи. [14]

В философском смысле деколониальный поворот строится как новая по сути «парадигма, выпадающая из линейной истории парадигм, эпистем и великих нарративов современности — христианства, либерализма и марксизма - и вместо этого фокусируется на исследовании границ мыслительных систем и выходит к возможности неевропейских моделей мышления». [15] Декартовское «я мыслю» нельзя превращать в «другие не мыслят», или мыслят не так как следует. Поэтому величайшим испытанием для любого

постколониального общества станет сосуществование с бывшей метрополией, независимо от того, усвоит она уроки истории или нет. Для страны, связавшей себя с европейской традицией, будь то Украина или другие постсоветские страны насущной проблемой становится лечение созависимости с бывшей метрополией, переключение внимания на свои собственные модели поведения без оглядки на большого соседа с его так называемой суверенной управляемой демократией, особой русской цивилизацией, и т.п. Единственное, что должно объединять все цивилизационные проекты – это главенство права, принцип суверенного равенства, закрепленный международным законодательством.

Заключение: взгляд на проблему из американского колледжа

В то время, как в Украине неуклонно растет консолидация гражданского общества, и все больше людей делают выбор в пользу украинского языка в противовес насаждавшемуся силой «русскому миру», в американских академических кругах заметна растерянность по поводу того, как подходить к самой постановке проблемы. Наметившийся в последнее десятилетие общий спад интереса к изучению иностранных языков в вузах только усугубляет ситуацию. С одной стороны, на фоне войны очевидно стремление дерусифицировать учебные программы. Возросло число курсов по украинскому языку, и не только в местах проживания украинской диаспоры. Однако, рано или поздно возникнет вопрос, почему тот или иной университет предлагает украинский, но не польский, чешский или сербский. Программа Госдепа США по поддержке изучения так называемых критических языков в плане постсоветского пространства включает только русский и азербайджанский и остается в высшей степени избирательной [16]. Рекомендованные зарубежные центры русского языка для американских студентов расположены в Армении, Грузии, Кыргызстане и Латвии, но не в самой Российской Федерации [17].

При этом в американской университетской системе русский язык по умолчанию оставался *lingua franca* славянских и постсоветских народов, и выходцы из восточной Европы зачастую брали в колледже русский как иностранный, невзирая на личное отношение к империи. При этом, на фоне падения общего числа изучающих иностранные языки в университетах и колледжах, ситуация с русским выглядит не так уж плохо. Он потерял чуть более 13% от общего числа студентов, в то время как французский – 23%, а немецкий – почти 34% [18]. В целом, следует признать, что рост интереса к русскому языку среди студентов американских колледжей традиционно отмечался именно на фоне возросшей международной напряженности, как во время Карибского кризиса 1962 года, так и после распада СССР в 1991. Сходным образом обстояли дела с всплеском интереса к арабскому языку после терактов 11 сентября 2001 года. На фоне ухудшающихся отношений США и Китая китайский язык также потерял меньше студентов (14%), чем другие языки.

В марте 2023 года в университете Колгейт под эгидой Центра международных исследований МакМиллана при Йельском университете состоялась встреча преподавателей и администраторов вузов северо-востока США, посвященная вопросам деколонизации и учебным программам вузов [19]. Участники получили возможность не только узнать о новых подходах и курсах, посвященных постсоветскому пространству в целом, и в особенности Украине, а также обсудить конкретные вопросы преподавания. Так, в частности, на воркшопе по русскому языку было предложено не ограничиваться традиционной русской антропонимикой и топонимикой, а включить в преподавание элементы культур постсоветского пространства. Однако, в сложившейся токсичной обстановке даже такой простой пример из учебника, как «в Киеве тоже говорят по-русски» неизбежно воспринимается как культурная апроприация. Поэтому преподавателям приходится искать балансированный подход, чтобы не задевать чувства ни выходцев с постсоветского пространства, ни тех, кто эмигрировал из метрополии. В

целом намечается сдвиг с изучения языка как такового в сторону лингвострановедения. Большинство специальностей либо вообще не требуют иностранного языка, либо ограничиваются одним-тремя семестрами. За это время студенты в лучшем случае успевают ознакомиться с падежной системой и видами глаголов, однако о реальных навыках общения речь не идет. Поэтому смещение фокуса на лингвострановедение, историю и культуру представляется разумным компромиссом.

В отношении деколонизации русской литературы первой ласточкой стала книга профессора Эвы Томпсон [20], переведенная впоследствии на несколько языков. Рассматривая проявления имперского мировоззрения в произведениях авторов от Пушкина и Лермонтова до Солженицына и Распутина, автор цитирует Адама Мицкевича, который глядя на Санкт-Петербург, восклицает: «Боже, эти дворцы были построены за счет Литвы, Польши и Украины!» Безусловно, вопросы литературы неизбежно будут связаны с феноменом языка. Поэтому, с одной стороны, мы должны помнить, что у Чехова и Солженицына были украинские матери, а с другой стороны, не забывать, что целая плеяда украинских писателей публиковала свои произведения как по-украински, так и по-русски. Попытки имперской апроприации неизбежно наткнутся на вопрос, можно ли считать «Лолиту» Владимира Набокова русской литературой, или как рассматривать новый роман Виктора Ерофеева «Der Grosse Gornik», который вышел на немецком, но не на русском.

В целом то, что происходит в американских вузах, вписывается в общую тенденцию дерусификации западного общества на фоне войны. В космополитичной по своей природе сфере классических искусств подобную задачу осуществить легче, и в оживленной культурной жизни Нью-Йорка особенно заметно, как исчезают с афиш российские исполнители и коллективы, а украинские приглашаются намного чаще, чем прежде. Музеи организуют выставки украинского искусства, меняют подписи к картинам и редактируют каталоги [21]. Порой это приводит к курьезам, как например в случае Ивана Айвазовского, которого музей Метрополитен сначала обозначил, как русского художника, затем исправил на украинского, поскольку он родом из Феодосии в Крыму, а впоследствии добавил уточнение, что по национальности он армянин. Действительно, в течение слишком долгого времени термин *русский* использовался примерно, как *китаец* по отношению ко всем азиатам, но в условиях развязанной войны подобный «раздел имущества» неизбежен.

Голливудские звезды Стивен Спилберг, Леонардо ДиКаприо, Майкл Дуглас и Сильвестр Сталлоне, прежде упоминавшие о своих русских корнях, теперь с удивлением узнают, что бабушка из Одессы, оказывается, жила в Украине. А особо наблюдательные ценители искусства подмечают, что на одной из самых известных картин уроженца Украины Ильи Репина «Не ждали» на стене висит портрет национального поэта Украины Тараса Шевченко, что позволяет неожиданную интерпретацию сюжета [22]. В музыке не только чаще стали исполнять украинских композиторов, но и воздают должное поддержке, оказанной Людвигу ван Бетховену украинским козаком, дипломатом и меценатом Андреем Разумовским, которому композитор посвятил ряд произведений.

Четвертая информационная революция подрывает усилия тоталитарных государств осуществлять колониальный контроль территорий. По мере того, как уходит в прошлое официальное телевидение, в гуманитарной сфере стало невозможным навязывать выгодную метрополии точку зрения при помощи узкой группы специалистов, утвержденных свыше. Развитие гражданского общества предполагает самоорганизацию его членов по широкому спектру критериев. Это включает и самообразование, не обязательно связанное с конкретным учебным заведением, поскольку последние неизбежно подвержены государственному контролю, и потому особенно уязвимы в тоталитарном обществе. Примером такой самоорганизации сообществ по интересам стал онлайн курс «Россия и деколонизация» [23]. Инициаторами создания курса выступили Екатерина Марголис, Михаил Юдин и

Владимир Позин, а пятьдесят первых слушателей, включая автора этой статьи, представляли самые разные возрастные и этнические группы с постсоветского пространства. Презентации касались не только животрепещущих проблем Украины, но также Польши, Кавказа, Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока. Среди приглашенных лекторов были уже упоминавшаяся профессор Эва Томпсон, ведущий Радио Свобода Сергей Медведев, украинский искусствовед Константин Акинша, и другие специалисты в различных областях и регионах. Записи лекций находятся в свободном доступе на сайте курса, но не менее информативным стали обсуждения в Zoom, позволившие каждому из участников значительно расширить свой кругозор и сравнить позиции по ряду вопросов. Хочется верить, что данный курс станет отправной точкой для развития этой важнейшей области знания, а терминология постколониализма - неотъемлемой частью гуманитарного знания на постсоветском пространстве.

References:

1. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (accessed February 20, 2024)
2. Spivak, G. *Can the subaltern speak?* Macmillan Basingstoke, 1988.
3. Young, I. Five faces of oppression. In *Justice and the politics of difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990: P. 39–65.
4. Inozentsev, V. Russia, the last colonial empire. *The American Interest*. Vol. 13, Number 3, 2017. <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/>
5. Etkind, A. *Internal colonization: Russia's Imperial Experience*. Polity, 2011.
6. Etkind, A. Foucault i tezis vnutrennei kolonizatsii. NLO, #3, 2001. <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/3/fuko-i-tezis-vnutrennej-kolonizatsii.html> (accessed February 20, 2024)
7. Dziuba, I. *Internationalism or Russification? A study in the Soviet nationalities problem*. London, Weidenfeld and Nicolson, 1968.
8. <https://pereulki.com/lissabonskaya-konferentsiya-po-literature-russkie-pisateli-i-pisateli-tsentralnoj-evropy-za-kruglym-stolom/> (accessed February 20, 2024)
9. Phillipson, R. *Linguistic Imperialism*. Oxford University Press, 1992.
10. Kachru, B. *The Other Tongue: English Across Cultures*. Oxford: Pergamon Press, 1983.
11. Pustovoit, I. Rol' russkogo yazyka v formirovanii sodruzhestva nezavisimyykh emigrantov [The Role of the Russian Language in the Formation of the Commonwealth of Independent Emigrants]. // A. Derevyanko (ed.) *Russkii yazyk v stranakh SNG i Baltii*. M.: Nauka, 2007: P. 221-9.
12. <https://www.youtube.com/watch?v=JqYtG9BNhfM> (accessed February 20, 2024)
13. DiAngelo, R. White Fragility. In *International Journal of Critical Pedagogy*, Vol 3 (3), 2011: P. 54-70.
14. <https://twitter.com/elbegdorj/status/1756818696700657935> (accessed February 20, 2024)
15. Tlostanova, M. Dekolonizatsiia gumanitarnogo znaniia. In *Vestnik RUDN, Filosofii* (2009), #1: P. 5-14.
16. <https://clscholarship.org/languages#> (accessed February 20, 2024)
17. <https://sras.org/study-russian-abroad/> (accessed February 20, 2024)
18. <https://sras.org/educators/survey/2023-college-survey-of-enrollments-in-russian-language-classes/> (accessed February 20, 2024)
19. <https://reesnenetwork.yale.edu/event/reesne-2023-faculty-administrator-workshop> (accessed February 20, 2024)
20. Thompson, E. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. Greenwood Press, 2000.
21. <https://www.dw.com/en/the-de-russification-of-ukrainian-art/a-64731253> (accessed February 20, 2024)

22. <https://liebermann-villa.de/en/blog/the-art-of-the-ukraine-ilya-repin/> (accessed February 20, 2024)
23. <https://decolonisation-ru.com/> (accessed February 20, 2024)

Information about the Author: Igor Pustovoit is an Adjunct Professor of Comparative Literature at Hofstra University. Igor.V.Pustovoit@hofstra.edu.

Acknowledgements: The author expresses gratitude to the reviewers.

Author's contribution: The work is solely that of the author.